

Пророческие стихи

«Родился я в селе Косиха...»

*...Сердце, а что я знаю?
Ты подскажи мне тихо.
Знаю, что на Алтае
было село Косиха.
Было село – я знаю –
крошечного значенья...
В речке вода парная
после грозы вечерней...*

Роберт Рождественский родился 20 июня 1932 года. С 2008 года на его родине проводятся Рождественские чтения. Косиха – очень красивое алтайское село: широкие просторные улицы, много зелени... Но, конечно, главная достопримечательность – это так называемый Яр любви. Представьте себе огромный океанский лайнер, врезающийся в сибирский ландшафт. На его плоской «палубе» – светлая берёзовая роща, а если подойдёшь к краю, увидишь захватывающие дух просторы – леса и пригорки до края горизонта, а внизу извивается речка. На этом яру вспомнились мне многие и многие стихи Рождественского, посвящённые любви – оказывается, я не забыла их с юношеских лет, все они хранились в глубинах памяти, а теперь всплыли: «Всё начинается с любви», «Необитаемые острова», «Зачем снятся сны», «Я спокоен, я иду своей дорогой...», «Отдать тебе любовь? Отдай!» и многие, многие другие, я и не знала, что помню их все!

В очень поэтическом месте родился поэт. Жаль, что он этой красоты не видел, так как увезли его из Косихи в двухмесячном возрасте. Но это село вошло не только в биографию, но и в творческий мир Рождественского и осталось в нём навсегда.

*Луна, сквозь тучи прорастая,
глаза зелёные скосила...
Родился я в селе Косиха.
Дождливым летом.
На Алтае.
А за селом синело поле
и пахло
ливнем переспелым...*

Вспоминает поэт родное село и в «Стихах о моём имени»:

*Я скажу об Эйхе.
Я верю: мне знаком он -
большой, неторопливый,
как река Иртыш...
Приезжал в Косиху
секретарь крайкома.
Весёлый человечие.
Могучий латыш...*

В честь коммуниста Эйхе и был назван мальчик необычным для тех мест именем Роберт.

И в стихотворении «Долги» снова упоминается Косиха, долг перед которой ощущает чуткое сердце поэта:

*...Кивают головами
леса и травы,
снегопад и зной,
село Косиха,
Сахалин и Волга.
Живёт во мне,
смеётся надо мной
немислимая необъятность долга!*

То, что делают земляки поэта для сохранения его памяти, заслуживает всяческих похвал (и, конечно, желательно, материальной поддержки...). Рождественский фестиваль по традиции открывается в центральной районной библиотеке, носящей имя поэта. Надо сказать, что материалы, хранящиеся в фонде библиотеки, уникальны. К примеру, здесь хранится рукопись воспоминаний матери Роберта Рождественского. А сколько книг, фотографий, личных вещей Роберта Ивановича... Алла Борисовна Киреева прислала письменный прибор, книги поэта и его летний пиджак. Конечно, и приезжающие на чтения поэты и писатели дарят библиотеке свои книги.

Из библиотеки праздник переместился на знаменитый Яр любви. Было организовано две творческие площадки – песенная и поэтическая. На первой проходил межрайонный фестиваль народного творчества «Песни главные есть в

судьбе любой» – здесь звучали и стихи Р. Рождественского, и песни на его слова. И давно ставшая народной «Сладка ягода». Звучали и «Позвони мне, позвони», «Эхо любви», «Солнечный зайчик» («Я мечтала о морях и кораллах...»), «Мы – армия народа». Последнюю исполнил народный ансамбль «Русичи» из Солтонского района Алтайского края. Публика принимала парней на «бис»! Концерт длился долго – но на нём не прозвучало и десятой доли песен, написанных на стихи Роберта Рождественского. Ведь их более шестисот...

Поэтический фестиваль назывался «Надо собственной жизнью доказать свои стихи». Если бы Роберт Иванович был жив, он наверняка порадовался бы – сколько поэтов, приезжих и местных, читали свои стихи, с каким вниманием их слушали зрители! Ничуть не с меньшим, чем на знаменитых поэтических вечерах 60-х годов! Длился этот поэтический марафон более трёх часов... Я прочитала на нём своё стихотворение, посвящённое памяти Роберта Рождественского – «На берегу Омки»:

*Зимы жестоки, долги
На берегу Омки
В сорок военном году.
Как изо льда вылита
Улица Карла Либкнехта,
Брошенная в беду.
Омские крыши-башенки...
Мальчик остался с бабушкой,
Писем от мамы ждёт.
В кружках вода смерзается...
Что же он не кончается,
Сорок холодный год!
Школа, военный госпиталь,
Нянечка скажет: "Господи,
Что ж ты такой малой!"
Пели они без робости!
Мальчика звали Робертом.
Время звалось войной.
Вьюга не унимается...
В детстве поэт рождается:
Вспышки, толчки, значки...
Вспомнится, не забудется
И ледоход, и улица
На берегу реки.
Всё прорастёт в стихи.*

«Где-то есть город...»

В автобиографии, датированной 1980-ми годами, поэт писал: «Я родился в 1932 году в селе Косиха, Алтайского края. Это в

Сибири, довольно близко от Барнаула. Мать у меня – врач, отец – военный. Мы переехали в Омск – большой город на берегу Иртыша. С этим городом связаны мои самые первые детские впечатления. Их довольно много. Но самое большое – война. Я уже кончил первый класс школы и в июне сорок первого жил в пионерском лагере под Омском...»

В этой биографии поэт упустил небольшой эпизод: в 1932 году и по 1934 год он вместе с родителями и дедом жил в селе Щербакуль Омской области. Он, конечно, не мог запомнить это село. Но замечательно, что жители Щербакуля помнят своего земляка-поэта. В июне 2009 года Щербакульской библиотеке было присвоено имя Роберта Рождественского, а 3 ноября 2010 года на здании библиотеки был открыт мемориальный знак. В самом Омске, кстати, тоже одна из библиотек носит имя поэта, а на бульваре Мартынова (аллея литераторов) установлен памятный камень в честь Роберта Рождественского. К сожалению, не сохранился дом по улице Карла Либкнехта, 34, где прошли детские годы Роберта Петкевича (настоящая фамилия Рождественского).

Отец будущего поэта Станислав Никодимович Петкевич был потомком ссыльных поляков, работал в НКВД. Мать Вера Павловна (до замужества Фёдорова) была до войны директором начальной школы в Косихе, училась в Омском медицинском институте, который окончила за пять дней до начала войны. Об отце Роберт помнил немного – в 1937 году родители разошлись.

В первые дни войны и отец, и мать ушли на фронт. «Даже профессиональные военные были убеждены, что «это» скоро кончится, – пишет в биографии Р. Рождественский. – А что касается нас, мальчишек, так мы были просто в этом уверены. Во всяком случае, я написал тогда стихи, в которых, – помню, – последними словами ругал фашистов и давал самую торжественную клятву поскорее вырасти. Стихи были неожиданно напечатаны в областной газете (их туда отвёз наш воспитатель). Свой первый гонорар (что-то около тринадцати рублей) я торжественно принёс первого сентября в школу и отдал в Фонд обороны...».

Первое стихотворение будущего большого поэта называлось «Фашистам не будет пощады!» и было опубликовано в

«Омской правде» 8 июля 1941 года. Под стихотворением подпись: Роберт Петкевич, ученик 3 класса школы № 19, 10 лет.

Роберт остался с бабушкой. А когда она умерла, приехала мать, привезла ему специально сшитую маленькую военную форму и сказала, что заберёт с собой на фронт – в качестве сына полка. Счастью не было конца... Но это было летом 1944-го. А до этого были долгие военные зимы, и холод, и голод... Многое потом «прорастёт» в стихи:

...Тогда мы жили в Омске.

Там

В сорок втором году

В весну

Мы радовались не цветам,

А рассыпному толокну...

(«Тогда»)

«Память», «Почём фунт лиха?...», «Базар того года», «Та зима была, будто война, лютой...», «Тыловой госпиталь», «Концерт» – эти и многие, многие другие замечательные стихи, всё это Омск, детские впечатления, врезавшиеся в память поэта навсегда.

Уникальную книгу выпустил в 2006 году омский писатель Марк Мудрик. У неё двойное название: Роберт Иванович Рождественский, «Омская книга» и Марк Семёнович Мудрик, «Берег мой». Её составили стихи Р. Рождественского, связанные с омским периодом его жизни, и документальная повесть М. Мудрика. Опубликованы в ней многие детские фотографии поэта (некоторые – впервые) и снимок того самого дома, снесённого в 2006 году... В 2008 году в Омске вышла в свет ещё одна книга М. Мудрика «20 век. Поэты. Омск», в которую также вошёл материал и о Роберте Рождественском.

В очерке Р. Рождественского «Почему мы пишем о войне» есть такие слова о доме детства: «...Память начинается с города Омска, куда переехала наша семья. В этой памяти стоит двухэтажный старый бревенчатый дом. Брёвна какие-то сплюсненные, потрескавшиеся, и всё равно – живые, потому что меняют цвет... От дома по пружинящим мосткам деревянного тротуара семьдесят шагов до Омки – главной реки моего детства...»

Эти воспоминания поэта органично вошли и в программу омской филармонии, посвящённой 300-летию города. Она называется «Два вечера с Робертом

Рождественским». Мне посчастливилось побывать на этих вечерах. Первый назывался «Необитаемые острова» (мастер художественного слова Лариса Дубинина, поэт Сергей Денисенко, музыканты Анна Шинковая и Юрий Поляков). На втором концерте – «Какие старые слова» звучали песни О. Фельцмана, А. Бабаджаняна, Е. Мартынова и других композиторов на стихи Р. Рождественского. Сама программа, сделанная с большой любовью и мастерством, и реакция благодарных слушателей (зал на этих вечерах был полон) – свидетельство любви и памяти простых омичей о своём земляке.

А с 2005 года омская филармония при поддержке Правительства Омской области проводит фестиваль соотечественников под названием «Где-то есть город...», название которому дало известное стихотворение Рождественского:

*Где-то есть город, тихий, как сон,
Пылью тягучей по грудь занесён.
В медленной речке вода как стекло.
Где-то есть город, в котором тепло.
Наше далёкое детство там прошло...*

Страна Карелия

На фронт Роберт так и не попал. Армия шла в наступление, и матери – военному хирургу взять с собой в войсковую часть своего сына не удалось. В Москве его определили в детский дом, который располагался в Даниловом монастыре. Потом он поступил в военно-музыкальное училище. Об этом тоже есть стихотворение – «Третье музыкальное», которое вошло в книгу «Радиус действия» (1965):

*Третье музыкальное, –
Помнишь ты или нет
Худого и заикающегося
Курсанта
Двенадцати лет?...*

А самый первый поэтический сборник – «Флаги весны» – вышел у двадцатитрёхлетнего поэта в 1955 году в Карелии, в Петрозаводске. Сюда семья Рождественских приехала в 1948 году. Отчим Роберта – Иван Иванович Рождественский, за которого Вера Павловна вышла замуж в 1944 году, дал приёмному сыну свою фамилию и отчество. В Петрозаводске И.И. Рождественский был сначала командиром части, затем работал

председателем ДОСААФ Республики Карелия. Роберт после школы попытался поступить в Литературный институт, но первая попытка не удалась, и он год проучился в Петрозаводском Государственном университете на историко-филологическом отделении. А в Литинститут он успешно поступил уже в 1951 году.

И, конечно, Карелия, так же, как Косиха и Омск, вошла в поэзию Роберта Рождественского. В стихотворении «Кому принадлежу?» поэт отвечает на поставленный в заголовке вопрос: «Берёзе, ниспадающей в Онегу...». В Карелии у Роберта Рождественского были изданы книги: «Флаги весны» (1955), поэмы «Моя любовь» (1956), «Двести десять шагов» (1982), сборник «Выбор» (1982).

Если во время учёбы в Петрозаводском университете «страна Карелия» Рождественскому была малознакома, то уже через два года, когда Роберт был студентом Литинститута в Москве, он вместе с другом – поэтом Маратом Тарасовым – поедет в глухой Пудожский край. Здесь, как отмечают биографы, и произошло приобщение молодого поэта к дописьменным источникам русской культуры. Авторские вечера, устраиваемые потом Рождественским в разных уголках Карелии (Кондопоге, Сортавале, Лахденпохье, Кеми) литературоведы называют традицией, которую он перенял от народных сказителей (Федосовой, Трофима Рябинина), выступавших с плачами и былинами перед большими аудиториями.

«Во время одной из таких поездок и родилась идея посетить место захоронения знаменитой «народной поэтессы» Ирины Андреевны Федосовой, – вспоминал Марат Тарасов. – К великому удивлению и огорчению Роберта Рождественского, могила Ирины Федосовой уже через 70 лет после смерти сказительницы была утрачена. Рождественский приложил немало усилий для того, чтобы разыскать последний приют великой вопленицы. А когда могила была наконец найдена (возле деревни Шилово на Юсовой горе), поэт, бывший в то время секретарем Союза писателей и членом президиума Литфонда, обратился с просьбой о выделении денег на памятник Федосовой к директору Литфонда. Тот спросил: «Разве ей полагается памятник – она не член Союза писателей. Да и есть ли у неё заслуги?...» – «У неё, – сказал Роберт, больше обычного заикаясь, – заслуги есть».

А о самой Федосовой очень скоро у Роберта Рождественского появилось стихотворение «На Юсовой горе»:

*Спой, Ирина Андреевна свет-Федосова,
Про крестьян Олонецкой губернии спой...*

Связь с народным плачем отчётливо ощущается в поэме Рождественского «Реквием», в тех строках, когда мать оплакивает своего погибшего сына...

В стихотворении «Подкупленный» поэт говорит: «Я подкуплен и Палангой, и Кижам...». Несколько стихотворений посвятил поэт жемчужине северного края – Кижам, неповторимым деревянным храмам. Одно из них так и называется – «Кижы»:

*Он стоял легко и крупно.
К облакам вздымаясь круто,
купола светились кругло,
будто спелые плоды...*

А в стихотворении «Мы стоим перед Кижским собором одни...» купола Преображенского собора Р. Рождественский сравнивает с друзьями:

*...встанут други мои,
будто Кижский собор,
над могилой склонив
двадцать две головы...*

Когда, задрав голову, я любовалась этим рукотворным чудом Кижей – Преображенским собором, то в голове звучала именно эта строка – «двадцать две головы...».

В Карелию я приезжала на большой поэтический праздник – Цветаевский костёр, который проводит в Петрозаводске замечательный энтузиаст, цветаевед Наталья Васильевна Ларцева. И, конечно, прошла по местам, связанным с памятью Роберта Рождественского. Это здание университета, где он учился, это дом по улице Ленина, где начинающий поэт жил с родителями. Сейчас на нём висит мемориальная доска. Одна из улиц Петрозаводска носит имя Роберта Рождественского.

Кстати, имена Цветаевой и Рождественского оказались связаны между собой – «круговой порукой поэтов». Р. Рождественский был председателем Комиссии по литературному наследию Марины Цветаевой, добился открытия Дома-музея Цветаевой в Москве в Борисо-

глебском переулке. Надежда Ивановна Катаева-Лыткина, основатель музея, писала о многочисленных трудностях, с которыми столкнулись энтузиасты, решившие сохранить дом, где жила Марина Цветаева в 1914-1922 годах. Надежда Ивановна вспоминала: «Союз (Союз писателей – О.Г.) должен был взять на себя хлопоты, все расходы, ответственность. Кто рискнёт на такое? Обошли всех – непередаваемая эпопея! Сколько «громких» писателей категорически отказались! Роберт Рождественский заменил в ЦДЛ К. Симонова (после его смерти в августе 1979 года – О.Г.). Он – решился. Взял всё на себя. Везде ездил сам. Добился постановления...» (из книги «Борисоглебье. Дом-музей Марины Цветаевой», издательство «Троица», Москва, 2007).

По московским адресам

Из Петрозаводска я поехала в Москву – по своим делам и многочисленным поручениям. И тут Роберт Иванович словно незримо меня за руку водил... Вот нужно мне было попасть на станцию метро «Тулская», забрать пару книг для знакомых музейщиков. А рядом ведь – Данилов монастырь. Как не зайти! И как не вспомнить, что тут в конце войны жил в детском доме будущий поэт Роберт Рождественский. «В Даниловом монастыре половину занимала тюрьма, половину – детдом. Обидно было до смерти, что на фронт не попал...» – писал потом поэт. Нам трудно теперь представить всю обиду и отчаяние мальчишки, который две недели ехал из Омска с мамой на поезде – «на фронт», в военной форме, сыном полка, в твёрдой уверенности, во-первых, что будет с мамой, во-вторых, что попадёт на самую настоящую войну! И вдруг – детский дом...

И, заходя в Литинститут, я тоже вспоминала Роберта Ивановича. В 1951 году его мечта осуществилась – он стал первокурсником Литературного института имени Горького! Тогда здесь учились Евгений Евтушенко, Расул Гамзатов, Григорий Бакланов, Владимир Соколов. С ними будущий поэт познакомился,

подружился. Здесь в 1953 году Роберт встретил свою первую и единственную любовь, студентку отделения критики Аллу Кирееву, будущую жену. Ему был 21 год, а Алле 20...

Вспоминая о своём знакомстве с Р. Рождественским в Литинституте, Евгений Евтушенко писал, что «проверкой на вшивость» было для них знание чужих стихов. И с Рождественским он подружился сразу, потому что Роберт знал запрещённых в то время Павла Васильева и Бориса Корнилова.

Заходила я по делам и в ЦДЛ, где немало дней своей жизни провёл Роберт Иванович... Такая уж это была поездка, «Рождественская». А в Переделкино у меня не было никаких дел, просто я специально поехала туда – поклониться могиле поэта. Перед смертью Р. Рождественский тяжело болел, перенёс сложную операцию. И написал пронзительные, может быть, лучшие свои стихи, которые потом составили сборник «Последние стихи».

*Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле.
Что-то я делал не так;
извините:
жил я впервые на этой земле.
Я её только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь...
И по-другому прожить обещаю.
Если вернусь...*

Но ведь я не вернусь.

В Переделкино шёл мокрый снег, природа словно плакала... Могила Роберта Рождественского недалеко от входа на кладбище. На чёрном гранитном камне фамилия поэта и даты его жизни: 20.06.1932 – 19.08.1994. Рано он ушёл, первым из друзей-шестидесятников – Вознесенского, Ахмадулиной, Окуджавы.

И всё же – он вернулся, и продолжает возвращаться – своими стихами, своими песнями, к новым поколениям читателей XXI века!